

Об организации

1906, источник: М. Корн "Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью; и др", - СПб-М.: Голос Труда, 1920.

Анархистов чаще всего упрекают в том, что они не признают организации. Основан, однако, этот упрек на совершенно ложном представлении о том, что такое анархизм, и что такое организация. Дело представляется обыкновенно так, что анархизм, это — хаос, беспорядок, вражда каждого против всех, тогда как организация это — гармония, поддерживаемая строгою дисциплиною, подчиняющею волю массы воле немногих избранных.

Такое узкое понимание слова „организация“, а также и незнание с основными принципами анархизма, привели к тому, что по этому вопросу —особенно у нас, в России, где организационные вопросы, в силу конспиративных условий, приобретают особенную важность — создалась целая масса предрассудков, еще более глубоких и укоренившихся, чем по вопросам политики или экономики.

Что такое организация? — Всякое человеческое общество организовано известным образом, и чем сложнее его культура, чем разнообразнее его потребности, тем более стремится оно к типу организации, которая представляла бы одновременный рост общественной солидарности и индивидуального развития составляющих общество единиц. Общественная связь людей, лишенных чувства независимости и личной инициативы, может быть только связью между стадомрабов и управляющим ими господином. С другой стороны, и развитие индивидуальности немыслимо без одновременного развития общественных, солидарных чувств. Что бы ни говорили нищестанствующие аристократы и индивидуалисты, свободный, высоко-развитый человек не может мириться с общественным угнетением, не может жить в обществе рабском. Если его удовлетворяет то, что он, лично, стоит выше окружающих, то его развитие — однобокое: в нем остались неразвитыми лучшие человеческие чувства, справедливости, симпатии, солидарности. Вот почему стремление к полному развитию человеческой личности приводит нас к признанию наиболее полной формы общественной солидарности. Мы — коммунисты не вопреки тому, что мы анархисты, а именно в силу этого.

Не разбирая здесь коммунизма вообще, заметим только, что общее владение орудиями производства и общее пользование продуктами труда неизбежно требует и соответственной формы общественной организации, и здесь вопрос экономический тесно связан с вопросом политическим. Наш политический идеал известен: это — свободный союз независимых общин, производительных и других групп, ассоциаций, федераций. Но это уже составляет известную форму организации, и притом форму, развивающую в людях большую солидарность, более полное отождествление своих интересов с интересами общественными, чем какая бы то ни была другая. Эту-то свободную, добровольную организацию, — это вольное соглашение мы и противопоставляем всякой организации принудительной, иерархической, и считаем, что она делает человеческий союз теснее и

прочнее.

Пока речь идет только об общественном „идеале“, с нами еще, пожалуй, соглашаются: „идеал“ — дело далекое, и в мечтах можно, конечно, позволить себе залетать куда угодно, раз это ни к чему не обязывает сейчас. Но в том-то и дело, что известный общественный идеал обязывает сейчас, и для последовательного человека не может быть раздвоения; одно — в идеале, другое, совершенно противоположное — на практике. Предвидят исчезновение государства не только анархисты, но и социальдемократы: известную фразу Энгельса на этот счет не стоит повторять. Разница только в том, что Энгельс говорит, что государство не будет уничтожено, а само уничтожится; мы же, не желая рассчитывать на это „само“, находим, что должны приложить свои силы для ускорения этого уничтожения. Разница еще в том, что, предвидя уничтожение государства в будущем, социальдемократы делают в настоящем все для усиления и распространения принципа государственности, предоставляя выпутаться из этого положения людям того момента, когда произойдет „скачек из царства необходимости в царство свободы“ и сильное государство перейдет в свою противоположность, т. е. в полное отсутствиеоного. Мы же не рассчитываем на подобное диалектическое волшебство и считаем, что вернее всего будет позаботиться о своих делах заблаговременно. „На Бога надейся, а сам не плошай“.

Находя вредным всякое принуждение, всякую власть в будущем, мы, поэтому, делаем уже в настоящем все возможное, чтобы подорвать ее. Вот почему мы исключаем всякий централизаторский элемент из наших партийных организаций.

Понятие партии нам далеко не чуждо, как думают многие. Но мы понимаем под партией не совокупность людей, объединенных под властью одного центрального комитета, а совокупность всех тех, кто ставит себе одну и ту же цель и стремится к ней однохарактерными путями. В этом смысле анархисты представляют собою партию, и притом партию *всемирную*, мы можем даже сказать, что редко в какой партии единство цели так велико, и разногласий в этом отношении так мало.

Что касается средств, то они, конечно, меняются в зависимости от времени и условий: в одной стране анархисты могут ставить на первое место террористическую партизанскую борьбу, в другой — работу в профессиональных союзах, в третьей — теоретическую пропаганду в партийных группах; но все эти приемы деятельности не противоречат один другому, а только дополняют друг друга. Отсутствие программы-минимум, которая могла бы служить источником разделений, и полное согласие относительно цели создают единство, которого нельзя достигнуть никакими искусственными мерами.

Вот почему мы говорим об анархической партии, единой во всем мире. На практике, между анархистами одной и той же страны, одного и того же языка, устанавливается, конечно,

еще более тесная связь, и в этом, более тесном, смысле мы опять-таки можем говорить об „анархической партии" в России, во Франции, в Испании и т. д.

Как же представляем мы себе такую партию, в последнем, более узком смысле, т. е. в смысле людей, связанных не только общностью идеи, но и практическими сношениями?

В основе ее лежит группа — многочисленная или малочисленная, местная или даже состоящая из членов, живущих в разных городах. Группы многочисленные обыкновенно удобны только при пропаганде массовой и открытой, при которой людям нет особенной надобности близко знать друг друга. Но вести какую бы то ни было практическую работу, особенно работу конспиративную, в них, очевидно, невозможно. Партии централизаторского типа обходят это затруднение тем, что создают внутри группы комитет, ведающий более конспиративные дела и вообще играющий руководящую роль. Мы же отвечаем на этот вопрос иначе. Мы считаем, что та же цель достигается гораздо лучше созданием большого числа мелких групп, члены которых хорошо знают друг друга; в таких группах в подборе членов будет требоваться большая или меньшая осторожность, смотря по целям группы: та, которая задается целями особенно конспиративными, будет, разумеется, наименее доступна.

Каждая группа имеет право быть как ей угодно строгой в выборе своих членов, и это нужно запомнить всем, кто в силу какого то странного предрассудка предполагает, что анархическая организация должна быть открытая, и что в нее должен быть свободен доступ всякому. Мы категорически заявляем: нет, члены группы должны быть хорошо известны друг другу, и тем более известны, что они все равноправны. Мало того; они должны, вообще, подходить друг к другу как можно ближе; если же такая тесная связь невозможна, то лучше разбиться на несколько групп, чем составлять одну группу из разнородных элементов. Тесная связь членов группы между собою устраняет многие принципиальные и практические затруднения.

Как решаются, например, спорные вопросы? Разумеется не большинством голосов, потому что мы не придаем цены числу: сами — вечно в меньшинстве (таков всегда удел революционеров), мы знаем цену численного превосходства и не считаем решения правильным, только потому, что за него высказывалось 11 человек, а не 10. По каждому данному вопросу, в группе должны придти к соглашению; если же вопрос настолько важен, что никакие добровольные уступки невозможны, то непозволительно было бы прибегать к механическому давлению числа: тогда остается только разделиться.

Каждая такая группа — будь она постоянная, или созданная для определенных целей, должна быть совершенно свободна и автономна в своей деятельности. Она может входить или не входить в сношения с другими группами, устанавливая какие ей угодно связи или соглашения с теми или другими из них, смотря по роду своей деятельности. Группы одного города могут организовать местную федерацию (так происходило в России повсюду, где развивалось анархическое движение): эти федерации в свою очередь, в интересах дела, обыкновенно находят нужным сноситься между собою. Способы, какими ведутся эти сношения могут быть очень различны: возьмет ли их на себя одна из местных групп, или даже один из местных товарищей, почемунибудь легче могущий исполнять это, будут ли

группы чередоваться в этом деле (как было одно время в испанской рабочей федерации), или сношения будут вестись отдельными товарищами, имеющими личные связи (как обыкновенно происходит во французских группах) — это зависит от условий, и принципиального значения не имеет. Лишь бы каждая группа помнила, что о чем бы ни шла речь: о принципиальном вопросе или подготовке боевого акта, **принятое решение всегда обязательно только для тех, кто принимает его и кто с ним добровольно соглашается.** Это — основной принцип анархической организации, и его мы всегда должны иметь в виду при создании тех или других ее форм.

Помимо постоянной федеративной связи существенным средством общения между группами могут служить съезды. Вопрос о них поднимался не мало раз в анархической прессе после исчезновения Интернационала; многие товарищи высказывались вначале (80-ые годы) решительно против всякого рода съездов, и это было в то время вполне понятно: мысль о возможности таких съездов, где нет ни голосования ни давления большинства на меньшинство, возникла и привилась лишь позднее [1].

Однако анархисты не отказывались от участия на международных социалистических конгрессах, не считая возможным чуждаться движения из-за организационного вопроса: они были и на парижском конгрессе 1889 года, и на брюссельском 1891-го и на цюрихском (1893) и на лондонском (1896). И если с тех пор их участие прекратилось, то потому только, что социал-демократическое большинство сначала решило закрыть доступ на конгрессы группам, не признающим участия в парламенте (Цюрих, 1893), а затем обязало и делегатов рабочих союзов давать подписку о принятии парламентарного символа веры (последнее было вызвано присутствием на Лондонском конгрессе 1896 года большого числа анархистов, посланных рабочими союзами).

Участвуют наши товарищи и на конгрессах рабочих союзов, не смущаясь тем, что организационные правила этих конгрессов во многом расходятся с их собственными. Мы упоминаем об этом только потому, что уж очень принято говорить об анархистах, как о существах необщительных и неуживчивых по природе, годных только на то, чтобы разрушать чужие организации.

Устраивали и устраивают анархисты и свои, чисто анархические съезды. В Бельгии такие съезды происходят периодически, а в Англии — раз в год; собираются, или делегаты всех существующих групп, или только из нескольких городов. В Соединенных Штатах, где движение ведется главным образом выходцами из Европы, происходят такие же съезды анархистов различных национальностей; их устраивают и наши товарищи, русские выходцы, ведущие пропаганду на еврейском языке. Бывают анархические съезды и в Голландии, и даже в Германии.

Международные конгрессы анархистов всегда встречали большие затруднения в виду полицейских преследований. Неподготовленные, импровизированные конференции происходили в Цюрихе и в Лондоне во время общесоциалистических международных

конгрессов. Затем в 1900 году должен был состояться в Париже серьезный, задолго подготовленный съезд. На призыв группы товарищей, взявших на себя инициативу, откликнулись охотно, и ко времени съезда в Париже собралось довольно много анархистов, французов, итальянцев, голландцев, испанцев, американцев и т. д. Было получено больше 90 докладов по разным вопросам теории и практики, а также о ходе движения в разных странах [2]. Но конгресс был запрещен французским правительством на основании исключительного закона против анархистов, и пришлось ограничиться частными совещаниями между отдельными товарищами. На этом конгрессе, как и на всех анархических конгрессах, должны были читаться доклады, происходить прения, но не должно было быть никаких голосований, никаких обязательных решений.

Как известно, по инициативе бельгийских товарищей через несколько месяцев вновь предполагалось устроить международный съезд анархистов, на этот раз в Амстердаме. Он будет происходить по такому же плану.

Такие именно съезды признают анархисты, и считают их одним из важных средств для установления тесных связей между действующими группами.

Как смотрим мы на анархические органы, на партийную печать? — Может ли быть у анархистов газета, которая бы считалась органом всей партии и официальным выразителем ее мнений? Очевидно, нет. Газете приходится заниматься, не только вопросами, на которых все товарищи сходятся, но и такими, в которых существуют разногласия. В централизованных партиях, дело решается просто: орган находится в руках большинства и выражает его мнения, меньшинство же должно молчать. Для нас такое решение, разумеется невозможно; мы поэтому категорически отказываемся от всякой мысли об официальном органе. Газета — выражение мысли той группы, которая ее издает; своим органом ее могут считать только те, кто с ней согласен. Группы или товарищи, несогласные или просто смотрящие иначе на задачи газеты, могут издавать другой орган, и от этого между обоими изданиями не происходит никакой вражды [3]. В централизованных партиях, если меньшинство создает свой орган, то именно всегда против большинства. Этим оно вносит вражду в партию. У нас могут существовать рядом десятки органов, несколько не нарушая товарищеских отношений групп. Вот почему ни одна анархическая газета не считает себя выразительницей мнений всех анархистов; не претендуя на это, она и не может зато обещать печатать статьи всех оттенков анархизма. Она служит программе и оттенку мысли своей группы и тех, кто согласен с нею. — Эти несколько замечаний о газете нужны для русских читателей потому, что у нас еще не успели привыкнуть к такому складу анархической прессы и понятие об официальных партийных органах сидит еще глубоко.

Отсутствие у анархистов центрального учреждения, которое выражало бы мнение всей партии, обыкновенно считается причиной того, что у нас, как говорится, „всякий молодец на свой образец“. Но стоит только немного подумать, чтобы увидеть, что существование центрального комитета ничего на изменило бы. Положим, что в партии, по какому нибудь вопросу существует разногласие. При централистической организации это

разногласие, разумеется, не исчезает, а только подавляется дисциплиной; в результате, меньшинству нет возможности проводить свою точку зрения на практике, а всем членам партии— большинству или меньшинству — нет возможности увидеть, как решается данный вопрос самой жизнью. Разногласие обостряется, создается хронический внутренний разлад, сдерживаемый чисто внешним образом; обе стороны, вместо того, чтобы искать точек соприкосновения, все дальше расходятся.

Иначе происходит дело у анархистов. Возникает известный тактический вопрос, например, о том, идти или не идти в профессиональные рабочие союзы (так было напр. во Франции в половине 90-х годов). Большинство французских товарищей в предыдущие годы имели много случаев убедиться в косности этих союзов; их умеренность и политиканство кажутся им неисправимыми; они не верят в возможность сделать из них орудия революционной борьбы. Другие находят напротив, что есть признаки расширения задач этих союзов и развития в них революционного духа; войдя в них, они надеются углубить его. Решайся этот вопрос голосованием на конгрессе, большинство было бы несомненно на стороне первых, и вторым был бы отрезан всякий путь к испытанию на практике предлагаемого ими способа действия. Но произошло иначе. Вопрос обсуждался в группах, в газетах. Желавшие вступить в рабочие организации свободно могли поступать, как находили лучшим. Первые опыты их оказались успешными: рабочие понемногу переставали бояться анархистов и приучались ценить в них преданных и бескорыстных работников. Анархические идеи прививались. Этот жизненный опыт был лучшим аргументом: число анархистов „синдикалистов" быстро увеличилось, и теперь, за ничтожными исключениями, французские анархисты признали возможность и необходимость для рабочих союзов сыграть в революционный момент решающую роль. Вопрос решился жизнью, а не голосованием.

Невольно вспоминается, как ответила французская анархическая газета „La Revolte" на упрек, высказанный бывшим коммунаром Лефрансэ в брошюре „Куда идут анархисты?". Автор упрекает анархистов, между прочим, в том, что их принцип: „Делай что хочешь". Да, говорит „ La Revolte", „Делай что хочешь" — наш идеал общества, и мы считаем его неизбежным следствием отрицания власти человека над человеком. И разве сам Лефрансэ, и в 1848 году, и при Империи, и во время Коммуны, не показал своим примером, что никто никогда не мог заставить его делать то, чего он не хочет?

А мы прибавим: и не представляет ли этот принцип всегда и везде неотъемлемую принадлежность революционера? Да, анархист стремится к тому, чтобы люди делали то, чего они хотят, и своею деятельностью надеется не принудить людей к известным поступкам, а привести к тому, чтобы они хотели поступать так или иначе. Борьба силой мы будем с теми, у кого сила в руках и кто насильем удерживает свое господство. Но когда революция победит (а внутри революционной среды — уже и теперь), мы будем рассчитывать для дальнейшего распространения наших идей на одно только *вольное соглашение*.

Примечания

1 Пример существовал, однако, в съездах английских рабочих союзов (трэд-юнионов).
Решение их съездов обязательны только для тех союзов, которые их подтвердят у себя, в союзе. - Ред.

2 Они составляют большой том, изданный при Temps Nouveaux в Париже. - Ред.

3 Любопытно заметить, что всякий раз появление нового органа усиливало обращение всех остальных. Заинтересовывались новые круги читателей. - Ред.

Версия #1

Зверобой создал 21 февраля 2026 07:37:47

Зверобой обновил 21 февраля 2026 07:38:17